

Предыдущая жизнь Линь Юя, оборвавшаяся на исходе сорокового года, едва ли была счастливой. Она не достигала даже до самой обычной, заурядной человеческой доли.

Первые двадцать лет его жизни прошли в бесконечной борьбе и лишениях, а вторые ознаменовались стремительным взлетом к богатству — и все же он до самого конца оставался глубоко одиноким.

Линь Юй сколотил состояние, но рядом не осталось ни единой родной души — близкие давно ушли из жизни. Не было у него и спутника жизни. До того самого дня, когда внезапный приступ сердечной недостаточности оборвал его земной путь, он оставался один, так и не познав ни сладости, ни горечи любви.

И дело было вовсе не в осознанном выборе — его одиночество обуславливалось куда более глубокой причиной.

Он не умел сближаться с людьми и панически боялся строить близкие отношения. Ему казалось: стоит только расправить крылья и поверить в счастье, как судьба вновь нанесет сокрушительный удар, обратив все его надежды в прах.

Впрочем, была и другая, куда более веская причина: Линь Юй попросту не испытывал плотского влечения.

С физиологической точки зрения он был абсолютно здоров и даже однажды проходил обследование в больнице. По утрам его организм реагировал так, как и положено любому нормальному мужчине, однако Линь Юй ни разу в жизни не почувствовал вожделения ни к женщинам, ни к мужчинам. Если говорить точнее, его не привлекали ни живые существа, ни неодушевленные предметы; ему были чужды даже мимолетные фантазии или грезы, столь естественные для обычных людей.

В юности он не понимал природы своей особенности и никогда не встречал тех, кто разделял бы его мироощущение.

Лишь много лет спустя, когда он преуспел в делах, а стремительное развитие технологий привело к информационному буму, Линь Юй узнал о существовании малочисленной группы людей, которых называют асексуалами. Они могут искренне привязываться к кому-то, любить всем сердцем, но при этом оставаться равнодушными к плотским утехам.

Конечно, прочные супружеские или партнерские союзы держатся прежде всего на душевной близости, однако Линь Юй прекрасно понимал: его холодность неизбежно превратит совместную жизнь в череду разочарований. Со временем даже самые глубокие чувства не выдержат подобного испытания и угаснут.

Тогда, в районе Хунци, директор Ян подумывал подыскать ему пару. Линь Юй об этом даже не догадывался, но, если бы и знал, непременно ответил бы отказом. В юности все его силы

уходили на то, чтобы просто выжить, и забивать голову романтическими бреднями ему было некогда.

Начав жизнь с чистого листа, Линь Юй не собирался менять своих убеждений. Слова Сяо Хун упали в его душу подобно мелкому камешку, брошенному в зеркальную гладь пруда: по воде пошли едва заметные круги, которые тут же растаяли, оставив после себя лишь мимолетный след. И еще — едва уловимое, странное чувство.

«Интересно, кого директор Ян прочил ему в жены? И почему их встреча так и не состоялась?»

Эта мысль промелькнула и сразу угасла, не оставив и следа.

В кухне Сунь Фулу, завидев вымывшего руки Линь Юя, отложил тяжелый тесак и принялся смешивать соус для закусок. Линь Юй привычным движением занял его место у разделочной доски. Пальцы у парня были тонкими и белыми, но на подушечках уже наметились мозоли; нож он держал уверенно, шинкуя овощи легко, ровно и ритмично.

Закончив со своей работой, дядя Сунь покосился на него. Он явно хотел о чем-то спросить, но помедлил и так и не решился. Сдержанно вздохнув, повар молча вышел на улицу — перекурить и перевести дух.

Первая половина дня пролетела незаметно. К полудню, в самый обеденный час, крошечный зал наводнили люди, и работа закипела. На кухне дядя Сунь без усталости орудовал воком, выдавая блюдо за блюдом. Сяо Хун крутилась юлой, принимая заказы и разнося тарелки. Линь Юю, молодому хозяину, тоже расслабляться не приходилось: помимо расчетов с клиентами, он бросался на выручку туда, где подгорало, а порой и сам вставал к плите.

С детства познавший нужду, Линь Юй умел делать буквально все. Даже в прошлой жизни, разбогатевав, он лишь первое время сорил деньгами, утоляя голод прошлых лет, а затем быстро вернулся к привычке во всем полагаться на собственные руки. Покончив с обеденной суматохой, они втроем наконец уселись за стол перевести дух и наспех пообедать.

После обеда Линь Юй ненадолго отлучился и вернулся с новым термосом и пакетиком ягод годжи. Пройдя на кухню, он тщательно вымыл термос и залил сморщенные красные ягоды крутым кипятком. Дядя Сунь наблюдал за его действиями с нескрываемым недоумением.

Линь Юй улыбнулся:

— Ягоды годжи очень полезны для здоровья, дядя Сунь. Я положу их в ящик стола, заваривайте себе каждый день.

В прежней жизни Линь Юй никогда не жаловался на здоровье, но в итоге умер от внезапного инфаркта. Его младший брат, Сяочуаньэр, тоже ушел безвременно из-за врожденного порока сердца, да и ранняя смерть их матери, Линь Сяошуан, была косвенно связана с сердечным недугом. Похоже, над их семьей довлел тяжелый наследственный порок.

Сам Линь Юй никаких симптомов у себя не замечал, но в прошлой жизни он совершенно себя не берег. Вечные ночные бдения, алкоголь, затяжная депрессия, а под конец — страшное потрясение от открывшейся правды окончательно подорвали его силы и загнали в могилу.

В той жизни он успел вкушать роскоши, а разбогатев, с лихвой восполнил упущенное в юности образование — перед смертью даже успел получить степень MBA в престижном университете. Если не считать пустоты на месте семейного тепла и любви, да еще невыплаченного долга мести, Линь Юй считал, что ушел без особых сожалений.

Теперь он не гнался за богатством и не горел желанием кому-то что-то доказывать. Единственное, о чем он молил судьбу — вырастить брата, уберечь их здоровье и тихо, мирно прожить эту простую жизнь вдвоем.

Ближе к трем часам дня Линь Юй снял передник, предупредил дядю Суня, дал несколько поручений Сяо Хун и отправился к Первой районной начальной школе — встречать брата.

На севере холода наступают рано. Район Хунци прилегал к побережью, и из-за сырого морского ветра погода здесь всегда была на пару градусов холоднее, чем на материке.

У ворот школы уже толпились родители. В конце восьмидесятых люди одевались скромно, а в Хунци — вчерашней волости, едва получившей статус городского района, — и подавно. Жизнь здесь только-только налаживалась, до городского благополучия было еще далеко, да и встречать детвору приходили в основном старики. Почти все кутались в поношенные темно-синие или защитно-зеленые ватники. Мужчины щеголяли в армейских кепках-«освободительницах» и дешевых тканевых кедах, женщины укрывали головы пестрыми платками. Зябко пожимая плечами, они прятались от ветра за стенами и неторопливо судачили о своем.

На облупившейся кирпичной стене висел огромный кумачовый транспарант с лозунгом: «Как бы ни были мы бедны, нельзя обделять детей образованием; как бы трудно нам ни приходилось, нельзя заставлять страдать наших детей». Рядом высились тяжелые железные ворота, сквозь прутья которых виднелся пыльный земляной двор и длинная череда обветшалых одноэтажных корпусов из красного кирпича. На площадке перед ними из спортивного инвентаря сиротливо высилась лишь пара столбов с провисшей волейбольной сеткой.

Сам Линь Юй был одет под стать толпе — старый зеленый ватник армейского покроя, свободные штаны в тон и видавшие виды кеды. Он шел без шапки, отросшие темные волосы уже прикрывали уши. Подобный наряд должен был скрыть его среди местных жителей, но высокий рост, статная фигура и благородные черты лица невольно приковывали взгляд. Прохожие то и дело оборачивались. Линь Юй прекрасно знал, что красив, давно привык к чужому вниманию и не придавал ему значения.

В этот момент над школьным двором пронзительно зазвенел звонок. Пожилой сторож с грохотом распахнул железные створки ворот, и наружу хлынул первый ручеек гомонящей детворы.

Линь Юй долго вглядывался в пеструю толпу, но Линь Фаня все не было. Парень заволновался. Утром все произошло слишком быстро, у него даже не нашлось времени расспросить вновь обретенного братишку обо всем на свете. Он лишь наспех сварил ему миску лапши с яйцом и побежал провожать к первому уроку. Весь день Линь Юй не находил себе места, только и думая о Сяочуаньэре: как он там на занятиях, поел ли вовремя, не прихватило ли сердце?

Приподнявшись на цыпочки, Линь Юй вглядывался в толпу, как вдруг заметил у входа знакомую фигуру. Мужчина среднего роста, облаченный в строгий черный френч-маоцзун, шел неторопливым, важным шагом. Редкие волосы были прилизаны, из нагрудного кармана солидно торчала перьевая ручка, а широкое лоснящееся лицо буквально распирали дужки очков в черной роговой оправе. Строгий костюм придавал ему напускной интеллигентности, делая похожим на солидного служащего.

Это был Ли Гуанмин — муж его старшей тети, занимавший теплое местечко начальника завхоза в этой школе.

Стоило Линь Юю увидеть это лицо, как в груди поднялась сокрушительная, удушливая волна слепой ненависти.

Когда Линь Юй только-только открыл свою небольшую закусочную, старшая тетя Линь Сяохуэй и ее благоверный заявили туда и устроили безобразную сцену.

Дедушка Линь Юя умер давно, оставив бабушку одну. Сыновей у них не было — только три дочери. Мать Линь Юя ушла из жизни молодой, муж второй тети, Линь Сяоминь, был разбит параличом, так что забота о престарелой бабушке легла на плечи старшей дочери. Вторая тетя ежемесячно отдавала часть скромных доходов на содержание матери. С Линь Юя, оставшегося без родителей, денег не тянули, но он при первой же возможности покупал гостинцы и навещал старушку.

Старшая тетка отличалась вздорным характером и патологической жадностью — из тех людей, кто за копейку удавится. Когда Линь Юй по крохам собирал деньги на открытие закусочной, соседи как-то раз в разговоре с ней обронили, какой, мол, толковый у нее племянник, раз сумел скопить приличную сумму. Они просто хвалили работающего парня, но Линь Сяохуэй затаила подозрение. Вернувшись домой, она накрутила себя до предела, сорвалась на

беззащитную мать и принялась с пристрастием выпытывать, сколько та втайне от нее отсыпала внуку. Бабушка, всегда бывшая женщиной тихой и кроткой, плакала и божилась, что не дала ни гроша, но Линь Сяохуэй и слушать не хотела.

— Не сознаешься, старая?! — кричала она. — Ну и ладно! Завтра же я пойду к Линь Юю, и мы посмотрим, как он после этого откроет свою лавочку!

На следующий день она действительно притащила Ли Гуанмина в закусочную «требовать справедливости». В самый разгар обеда, когда зал ломился от посетителей, тетка устроила форменный цирк: каталась по полу, истошно выла и причитала, а Ли Гуанмин преспокойно сидел рядом на корточках и дымил дешевой папиросой. Работа встала, дневная выручка пошла прахом. На вызов приехала милиция, но стражи порядка лишь развели руками — дело семейное, разбирайтесь сами. Конец этому позору положил лишь директор школы, где работал Ли Гуанмин, которого догадался позвать кто-то из соседей.

После того случая семейство тетки, и прежде глядевшее на сирот свысока, окончательно прекратило с ними всякое общение. Но Линь Юй ненавидел Ли Гуанмина и Линь Сяохуэй вовсе не за тот скандал. В прошлой жизни он купил билет на самолет и вернулся в Хунци с одной-единственной целью — поквитаться с этой четой.

— За Сяо Фанем пришел? — с фальшивой улыбкой окликнул его Ли Гуанмин. — Этот малец вечно копается, наверняка плетется где-то позади.

Со дня погрома в закусочной едва прошло два месяца, но захоз не выказывал ни капли смущения. Он вел себя как ни в чем не бывало, по-доброжелательному кивая племяннику.

Когда-то наивный Линь Юй даже считал своего дядюшку неплохим человеком. Во время бесконечных теткинских истерик тот порой подавал голос, пытаясь ее урезонить, да и при встречах всегда ласково улыбался, разыгрывая из себя безвредного добряка. Глядя на его сегодняшнюю елеиную физиономию, трудно было поверить, что этот благообразный мужчина способен на столь чудовищное предательство.

Линь Юй давно перерос возраст слепой ярости. В прошлой жизни, перед тем как решиться на крайний шаг, он успел упорядочить все свои дела и переписать имущество, чтобы лично расквитаться с Ли Гуанмином и Линь Сяохуэй. Слишком много лет прошло: улики исчезли, сроки давности вышли, и законным путем добиться правосудия было невозможно.

Тогда, он был готов умереть вместе с ними, лишь бы свершить возмездие. Но сейчас в этом не было нужды. Ничего еще не случилось, а значит, он может переписать сценарий будущего.

На лице Линь Юя появилась вежливая, безупречная улыбка. Он слегка склонил голову и негромко произнес:

— Дядя, уже закончили работу?

Ли Гуанмин никак не ожидал, что после того позорного скандала племянник проявит такую учтивость. Вот только его улыбка... Она показалась завхозу странной, почти жутковатой. Передернув жирными плечами, он неловко натянул ухмылку и махнул пухлой рукой в сторону дороги:

— Ну, стой, жди. А я пойду, пожалуй. Будет время — заглядывай как-нибудь в гости, пообедаем.

Стоило Ли Гуанмину отвернуться, как вежливая маска мгновенно сползла с лица Линь Юя. Он провожал удаляющуюся грузную спину ледяным, тяжелым взглядом.

— Брат! — звонкий, чистый голосок прорезал гул толпы.

Линь Юй обернулся, и суровость мгновенно сошла с его лица, уступив место нежности, словно весеннее солнце разом растопило зимний лед. Глаза заискрились теплом. Счастливый, он побежал навстречу ребенку, широко улыбаясь и приоткрывая ровные белые зубы.

Укутанный как колобок Линь Фань со всех ног бросился к нему и уткнулся в куртку. Линь Юй крепко обнял хрупкие плечи мальчишки, чувствуя, как душу затапливает безграничное счастье, хотя для порядка все же пожурил:

— Я же просил тебя не бегать. Опять не слушаешься?

Линь Фань задрал круглую голову и послушно заверил:

— Я весь день тихонько ходил! Честное слово, только сейчас побежал, самую капельку.

В его возрасте положено быть самым подвижным и шумным, но из-за болезни ребенок был вынужден беречь себя, словно дряхлый старик.

Сжав сердце от щемящей жалости, Линь Юй ласково потрепал братишку по щеке. В этот момент к ним подошла их вторая тетя, Линь Сяоминь. Улыбаясь, она несла ранец Линь Фаня и тяжелый, туго набитый пакет.

— Я попросила Сяо Фаня подождать меня после уроков, — мягко заговорила она. — Вчера твой брат Цзяньцзюнь вернулся с работы и привез целый ящик яблок. Наказал обязательно отсыпать вам половину.

Линь Сяоминь едва перешагнула сорокалетний рубеж, в ее мягких чертах еще угадывалась былая красота. Она вела у Линь Фаня начальные классы — преподавала язык и математику. Профессия учителя считалась уважаемой, но из-за тяжелого семейного бремени жилось ей крайне непросто.

Ее супруг, Сун Миньшэн, когда-то руководил сельским кооперативом. Вскоре после свадьбы он поехал за товаром в город, попал в жуткую аварию и остался инвалидом. Пособие по

нетрудоспособности выплачивали исправно, но его едва хватало на бесконечные лекарства. Приемный сын, Сун Цзяньцзюнь, к наукам рвения не проявлял, бросил школу после девятого класса и пошел батрачить, отдавая все заработанные гроши семье. Так вдвоем они и тянули эту лямку.

Семья второй тетки всегда отличалась редкой душевной добротой и искренне пеклась об осиротевших братьях.

Увы, праведникам редко воздается по заслугам — рок слеп и безжалостен. Спустя годы Сун Цзяньцзюнь попадет под обвал на песчаном карьере и покалечит ноги. Заботы о двух парализованных мужчинах окончательно подкосят здоровье тети Линь Сяоминь. У нее обнаружат запущенный рак груди, и она сгорит буквально за полгода. Линь Юй, в то время уже скитавшийся по заработкам, бросится домой, едва получив горькую весть, но не успеет переступить порог: потеряв единственную опору, отец и сын примут смертельную дозу лекарств и уйдут вслед за ней.

Линь Юй сам похоронит всю семью. Много лет спустя, встав на ноги, он перенесет их прах на лучшее городское кладбище и воздвигнет роскошный мемориал, но в глубине души всегда будет знать: мертвым это безразлично. Память об этой трагедии останется незаживающей раной в его сердце, заставляя терзаться чувством вины долгие годы.

Увидев вторую тетю, Линь Юй быстро прикинул в уме: до несчастного случая с братом Цзяньцзюнем еще есть время, карьер будет исправно приносить доход год-другой. Сейчас он не может предложить брату лучшую долю, да и предлога вытащить его из карьера нет. Главное для него сейчас — крепко встать на ноги, сохранить закусочную, накопить денег на операцию для Линь Фаня и искать другие выходы. Скоро в развивающемся районе как грибы после дождя начнут расти новые заведения, конкуренция задашит прибыль, и одной лавчонкой сыт не будешь — помочь теткиной семье на эти крохи не удастся.

Размышляя об этом, Линь Юй выпрямился, по-прежнему не выпуская плеч братишки, и с теплой улыбкой спросил:

— Как там брат Цзяньцзюнь? Он сейчас дома? Я бы заглянул к вам, проведал его.

Тетя досадливо махнула рукой:

— Да какое там! Вчера забежал на часок, схватил теплые вещи и сразу укатил обратно. Говорит, на карьере дел неуворот, даже поесть толком не успел.

Линь Юй забрал у нее тяжелый пакет и закинул школьный ранец брата на плечо.

— Раз много работы, значит, и деньги платят исправно. Это ведь хорошо.

Линь Сяоминь заметно повеселела и принялась расспрашивать о делах в закусочной. Услышав, что от клиентов нет отбоя, она с облегчением выдохнула.

За разговорами они неторопливо направились к автобусной остановке, так и не заметив припаркованный у обочины напротив ворот солидный черный седан, который стоял здесь уже довольно давно.

За рулем сидел долговязый парень лет двадцати с небольшим, чье лицо было густо усыпано юношескими прыщами. Звали его Ян Ли, и он приходился родным племянником директору насосного завода Ян Гочжи. Парень возил своего дядю на служебной машине и обычно за словом в карман не лез, любя пошутить и поболтать в дороге. Однако сейчас от его привычного пижонства не осталось и следа. С предельно серьезным видом он то и дело косился в зеркало заднего вида, пытаясь уловить настроение важного гостя на заднем сиденье.

— Надо же, какая встреча! Сама судьба сводит, — качая головой, негромко протянул Ян Гочжи.

Оторвав взгляд от удаляющихся по улице фигур, он повернулся к сидевшему рядом высокому мужчине и с надеждой спросил:

— Ну как тебе? Хорош ведь, а?

Шерстяной пиджак Ян Гочжи, хоть и был сшит из дорогой ткани, пошел некрасивыми складками из-за его суетливых движений. Из-под лацканов выпирал толстый шерстяной жилет с V-образным вырезом — заботливое творение рук его супруги. Сам директор был грузен, щеголял солидной плешью и огромным выпуклым лбом, отчего напоминал добродушного Шоу-сина — бога долголетия с новогодних лубочных картинок.

Он преданно заглядывал в глаза своему спутнику. Тот даже сидя казался необычайно высоким и статным. Мужчина тоже был одет в темный деловой костюм, но, в отличие от директорского, этот сидел безупречно. Из-под воротника элегантного черного кашемирового пальто виднелся чистейший, накрахмаленный воротничок белоснежной рубашки.

На вид ему было около тридцати. Гладко зачесанные назад темные волосы открывали красивое, мужественное лицо с тонкими, плотно сжатыми губами. Его зрелая привлекательность сочеталась с холодной, колючей аурой, которая давала понять: этот человек держит дистанцию и вряд ли окажется приятным собеседником.

Услышав вопрос директора, мужчина медленно поднял веки и скользнул взглядом по лобовому стеклу. Фигуры женщины и юноши уже почти скрылись из виду. Молодой человек в дешевом ватнике и неказистых штанах шел, подставив голову промозглому октябрьскому ветру. Одежда сидела на нем мешком, но благодаря статной осанке и высокому росту юноша выглядел удивительно гармонично. Он двигался легким, непринужденным шагом, притягивая к себе взгляд.

Минутой ранее он успел разглядеть лицо парня. Тот был поразительно красив — утонченные, благородные черты и чистая белая кожа, столь редкие среди мужчин. Но...

Он отвел взгляд и глухо произнес:

— Пожалуй, не стоит.

Ян Гочжи опешил:

— Да неужели не приглянулся?

Хань Дуншэн качнул головой:

— Ему всего девятнадцать. Слишком молод, не подходит.

Сказав это, он бросил короткий, пронизательный взгляд на водительское сиденье. Ян Ли, пойманный с поличным, испуганно втянул голову в плечи и уставился на дорогу, мгновенно вытянувшись в струнку.

Ян Гочжи, не заметив безмолвной сцены, продолжал уговоры:

— Не смотри, что он молод. Парень на редкость рассудительный, умен, знает меру в общении. Я ведь потому и взялся за это дело, что лучшей пары тебе не сыскать. К тому же в твоём нынешнем положении рядом просто необходим преданный человек, который разделит с тобой и тепло, и тяготы.

Хань Дуншэн прикрыл глаза, уклоняясь от спора:

— Поговорим об этом позже.

Директор Ян открыл было рот, чтобы продолжить уговоры, но снаружи раздались торопливые шаги. Дверца машины с шумом распахнулась, и в салон, впусив струю холодного воздуха, шумно ввалился немолодой мужчина лет пятидесяти. Из нагрудного кармана его пиджака важно торчали две авторучки.

— Ах, господин Хань, директор Ян! Простите великодушно, заставил вас ждать! — затараторил вошедший.

Это был Лю Юнли — директор Первой районной начальной школы.

— Да что вы, господин директор, в самый раз! — радушно отозвался Ян Гочжи. — Давайте трогаться, как раз успеем к сроку.

Хань Дуншэн лишь сдержанно кивнул гостю в знак приветствия.

С появлением Лю Юнли деликатная тема сватовства замялась сама собой.

Поняв намек, Ян Ли завел мотор. Выжав сцепление, он плавно тронулся с места, и черный автомобиль, шурша шинами, покатил по разбитой дороге в сторону города, держа курс на ресторан «Цююнь».

<http://bllate.org/book/20105/1993545>